

Глава пятая

В которой объясняется человеческая щедрость во всем, что касается пищи

Пирь и обязанности

«Тот, кто понимает бабуина, больше продвинулся по части метафизики, чем Локк».

Чарльз Дарвин. Записные книжки⁷⁸. 1836–1844

Вообразите, что люди занимались бы сексом сообща и публично, а кушали тайком и при закрытых дверях. Нет никаких конкретных причин, по которым бы мир не мог быть устроен именно так: желание предаваться любви в одиночестве не могло бы считаться странным, а принятие пищи на виду у всех — постыдным. Нет никаких конкретных причин, кроме одной. Человеческой природы. У людей еда — общественное, а секс — личное: это всего-навсего одна из наших характерных особенностей, но она настолько глубоко внедрена в психику, что обратное кажется немыслимой дикостью. Неизвестно откуда взявшееся странное, но излюбленное многими историками представление, будто уединение во время секса — культурное изобретение средневекового христианства, давным давно опровергнуто. Какому бы богу люди во всем мире ни поклонялись, во сколько бы одежд ни рядились на публике, секс — акт секретный. Им занимаются потихоньку: либо ночью, когда все остальные спят, либо днем в укромном месте, где никто не видит. Такова характерная черта, свойственная всем и каждому. А вот принятие пищи — деятельность общественная, и это тоже справедливо для всего человечества⁷⁹.

Чтобы поесть, на всем земном шаре люди собираются вместе. Кушать в группе — нормально. Мы ужинаем за одним столом со своей семьей, встречаемся с друзьями в ресторанах, уплетаем с коллегами бутерброды во время обеденного перерыва, соблазняем и позволяем соблазнять себя за романтической трапезой при свечах. Если к нам в дом или офис приходит незнакомец, мы угощаем его — пусть даже только кофе и печеньем. Есть — значит делиться. Предлагать пищу — всего-навсего социальный инстинкт.

Еда, которую мы чаще всего делим с другими — мясо. Чем крупнее и значимее трапеза, тем маловероятнее, что его не будет в меню. Описание древнеримского или средневекового пиршества представляет собой перечень различных его видов: жаворонки и кабаны, каплуны и говядина. Разумеется, подавали и овощи. Но именно количество мяса и отличало пиршество от обычного приема пищи. Впрочем, не исключено, что хроникер счел мясо более стоящим упоминания, чем пастернак. Оно по-прежнему играет ведущую роль. Макароны в качестве основного блюда на великолепном банкете, организованном состоятельной компанией в четырехзвездочном отеле, показались бы странными, хотя дома никто из нас против них не возражает.

Но и дома мясо расценивается как центральный ингредиент большинства трапез. На вопрос: «Что на ужин?» — человек отвечает: «Бифштекс» или «Рыба». Но он ни словом не обмолвится о картошке или капусте, которые — с точки зрения питательности — важны не меньше. Как правило, мясо кладут на тарелку первым или располагают ближе к середине. Раньше существовала целая церемония: глава семьи разрезал мясо — по справедливости — перед собравшимися гостями. В некоторых домах это принято до сих пор. В течение дня мы часто перекусываем. Сколько же таких перекусов состоят из мяса? Очень немало⁸⁰.

Эти примеры выбраны мной с узкой точки зрения

Есть — значит делиться. Предлагать пищу — всего-навсего социальный инстинкт.

определенной культуры и описывают некоторые привычки западного человека. Но — и я в этом совершенно уверен — то же справедливо и для всего нашего вида во всех культурах и на всех континентах. Еда — занятие общественное, социальное, а мясо обычно, хотя и не всегда, является наиболее распространенной пищей, которой мы делимся с другими. Делать это — самый бескорыстный из наших поступков, это сама основа общества. Сексом мы не делимся: мы ревнивые, скрытные собственники. Представься нам такая возможность, мы бы поубивали соперников и стерегли партнеров. А пища? Ею делиться принято.

Склонность делиться едой, возможно, присуща не только человеку. Но она, по крайней мере, характерна для нашего биологического вида и очевидна уже у маленьких детей. Бирут Галдикас, изучавшая орангутанов в лесах Борнео, вырастила собственную дочь, Бинти, в лагере, полном детенышей обезьян. Наблюдая за ними, она отметила резкое различие между человеком и орангутаном в отношении к пище. «Возможность делиться едой, казалось, доставляла [Бинти] огромное удовольствие. Напротив, Принцесса, как и любой орангутан, выпрашивала, крада и жадно проглатывала еду при каждом удобном случае. Склонность делиться ею явно не являлась частью ее обезьяньего характера в этом возрасте»⁸¹.

Чем еще вы готовы делиться так же, как пищей? Похоже, здесь мы столкнулись с удивительно щедрым аспектом человеческой природы, странным источником доброжелательности,

Склонность делиться едой, возможно, присуща не только человеку. Но она, по крайней мере, характерна для нашего биологического вида и очевидна уже у маленьких детей.

не выказываемым людьми относительно прочего своего имущества. Разделение труда и возможности для использования слаженной мощи — вот преимущества добродетели, именно охота впервые открыла перед человечеством ее грандиозные перспективы.

Мясо в обмен на секс у шимпанзе

Антропологи давно установили: во-первых, склонность делиться пищей свойственна всему человечеству, а во-вторых, чаще всего люди предлагают мясо. Последнее, вероятно, объясняется тем, что оно поступает более крупными порциями, чем любая другая пища. Индейцы Яномамо из Венесуэлы угощают друг друга убитой в лесу крупной дичью, но не делятся мелкой добычей и бананами, растущими в их садиках. Охотники-гуаяки (Парагвай) отдают сородичам 90 процентов мяса пойманной обезьяны или пекари (дикой свиньи) и намного меньшую долю сердцевины пальмы или маленького броненосца. В племени Тиви (Арнемленд, Австралия) семья охотника оставляет себе 80 процентов мелкой дичи и только 20 процентов мяса животных весом более 12 кг.

Мы, люди — самые плотоядные из всех приматов. Даже судя по относительно вегетарианским стандартам большинства современных охотников-собирателей (не говоря уж об исключительно мясных привычках богатых жителей Запада), мы все-таки едим намного больше мяса, чем наши главные «конкуренты» — бабуины и шимпанзе. Мясо в рационе племени кунг (Калахари), например, составляет 20 процентов, а у шимпанзе в Танзании — максимум 5 процентов от массы всей съеденной пищи. Разумеется, это вовсе не означает, что шимпанзе мясо не нужно — они тратят на охоту очень много сил и редко упускают шанс поймать добычу. Что касается бабуинов, то они явно считают мясо молоденьких газелей особым лакомством.

Впрочем, даже у шимпанзе можно заметить признаки кооперативной культуры, которые, судя по всему, обуславливают именно плотоядность. У этих обезьян охота на дичь — социальная деятельность, в основном, осуществляемая группами самцов. Чем больше компания охотников, тем выше вероятность успеха. В Гомбе (Танзания) основной добычей шимпанзе является красный колобус. В целом охота заканчивается удачей в половине случаев, а если группа охотников включает более 10 самцов, то успех почти гарантирован. Шимпанзе, как правило, ловят только

детенышей колобуса — те настолько маленькие, что, если одного такого кроху разделить между большой компанией взрослых обезьян, едва ли им можно наестся.

Так зачем же вообще охотятся шимпанзе? Одно время ученые опасались, что охота представляет собой девиантное поведение, вызванное присутствием человека. Предполагалось, что следующие за обезьянами наблюдатели пугают колобусов, тем самым облегчая их поимку. Впрочем, с тех пор за охотой шимпанзе наблюдали и в других местах. В Гомбе она продолжалась даже в отсутствие наблюдателей, следовательно, может считаться нормой. Сегодня среди знатоков поведения шимпанзе в дикой природе бытует одна любопытная теория. Приматы, полагают они, охотятся не ради пищи. Они делают это по социальным и репродуктивным причинам. Чтобы спариваться.

Наткнувшись в лесу на колобусов, шимпанзе либо затевают охоту, либо нет. Если стая достаточно большая, скорее всего, выберут первое, что совершенно разумно, поскольку вероятность успеха в таком случае велика. Впрочем, сегодня самым надежным предиктором предстоящей охоты является присутствие (или отсутствие) в стае готовых к спариванию самок. Если у одной из них припухла нижняя часть туловища, что сигнализирует о течке, самцы, вероятнее всего, решат поохотиться. Как только колобус будет пойман, часть отдадут этой самке. И — сюрприз! — последняя, как правило, спаривается с тем, кто оказался особенно щедрым.

Подобное поведение характерно для скорпионовых мух: самец приносит взятку (например, мертвое насекомое) и скармливает ее самке, которая затем позволяет с ней спариться. У шимпанзе сделка не столь откровенна, хотя сути это не меняет. Как ни крути, самцы делятся пищей с готовыми к спариванию самками в обмен на секс⁸².

Гендерное разделение труда

Шимпанзе — наши ближайшие родичи. Большинство антропологов уверены: первые «протолюди» — представители рода австралопитеков — жили в общинах, напоминающих общества

шимпанзе, в которых взрослые самцы конкурируют друг с другом за взрослых самок. Убедительное доказательство этому только одно: у обезьян (будь то низшие, живущие на земле, или человекообразные из саванны) другой социальной системы просто нет.

Допустим, охотясь, первые люди преследовали те же цели, что и шимпанзе. Протомужчины отправлялись на промысел, чтобы предложить протоженщинам мясо в обмен на секс. Такое допущение отнюдь не лишено определенных оснований: нечто похожее происходит в знаменитом романе Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденныша», в котором мясо и секс тесно связаны друг с другом. И действительно, у современных охотников-собирателей это неприятно близко к истине. В тех племенах, где приняты беспорядочные половые сношения, мужчины тратят на охоту гораздо больше времени.

Рассмотрим два примера. Гуаяки — племя, отличающееся от носительной сексуальной свободой. Женщинам помимо мужей позволительно встречаться с другими мужчинами, внебрачные связи весьма распространены, флирт допустим, представители разных родов часто навещают в гости друг к другу. Неразборчивость в половых связях не поощряется и не одобряется, но она точно возможна. Мужчины этого племени — страстные охотники, каждый день тратящие около семи часов на поиски добычи. У успешных охотников романов больше. Представители племени хиви, напротив, истинные пуритане. Им свойственно неравное соотношение полов (мужчин больше, чем женщин), нелюбовь к посещению других родов и практически полное отсутствие внебрачных связей. У мужчин этого племени столько же свободного времени, сколько и у представителей гуаяков, однако на охоту они тратят лишь небольшую его часть: два часа день, а то и два в неделю. Добытое мясо получает только семья. В Африке похожий контраст наблюдается между племенами хадза и кунг. Мужчины из первого — заядлые охотники и распутники, а мужчины из второго — хоть и те еще добытчики, зато, по большей части, верные мужья⁸³.

На четырех примерах теорию не построишь, однако можно предположить, что в психике современного мужчины еще таится предрасположенность добывать мясо в ожидании положительной реакции на сексуальные предложения. Впрочем, охота у людей сводится не только к сексу. В конце концов, мясо — основной продукт в рационе многих народов, а не какой-то там редкий деликатес. Модель соблазнения мясом, возможно, и лежала у истоков нашей склонности делиться пищей с окружающими, но со временем превратилась в нечто гораздо более фундаментальное и важное — в экономический институт, являющийся ключевой частью всех человеческих обществ: гендерное разделение труда.

Между людьми и шимпанзе существует одно важное различие: я говорю об институте, который мы называем браком. Практически во всех культурах, включая общества охотников-собирателей, супруги склонны монополизировать друг друга. Даже если речь идет о нескольких женах, каждый мужчина вступает в продолжительные отношения с каждой женщиной, носящей его ребенка. В отличие от самцов шимпанзе, в основном, теряющих интерес к самке, как только у нее заканчивается течка, мужчина на протяжении многих лет (а то и всю оставшуюся жизнь) находится в тесном и ревнивом половом союзе со своей женой. Длительные моногамные отношения не являются культурным конструктом исключительно западного общества — они свойственны всему нашему биологическому виду⁸⁴.

Как следствие, отправляясь на охоту, мужчина руководствуется и другим мотивом. Как самцы ястреба и лисы, он охотится, чтобы добывать пищу для своих детей — еще одно преимущество охотника. Живя в паре, мужчина может разделить все добытое им мясо с женой, а та, в свою очередь, поделится с ним овощами. Оба только выиграют. Появляется разделение труда — каждому в паре живется лучше, чем поодиночке. Пока мужчина ловит свинью или кролика, женщина успевает насобирать достаточно корнеплодов, ягод, фруктов и орехов. В итоге получается блюдо, богатое и белками, и витаминами.

Уже 40 лет назад антропологи заметили, что половое разделение труда наблюдается практически во всех человеческих обществах. В 1960-х годах, побрезговав подразумевающимся сексизмом, они отказались от дальнейшего изучения темы и приписали различия патриархальным предрассудкам. Впрочем, это объяснение оказалось совершенно неубедительным. Половое разделение труда не является симптомом предрассудка и наблюдается в наиболее эгалитарных обществах. Большинство антропологов соглашаются: охотники-собиратели гораздо менее склонны к сексизму и доминированию над женщиной, чем те, кто занимается сельским хозяйством. Впрочем, не менее единодушны они и в том, что в вопросах добывания пищи мужчины и женщины действительно играют разные роли.

Они разделяют обязанности очень тщательно. Причем, даже в тех случаях, когда последние — общие. В средневековой Франции участие в закалывании свиньи принимали и мужчины, и женщины: перед всеми, по традиции, стояли свои задачи. Женщина выбирала свинью, мужчина — день убоя и так далее. Вплоть до производства колбасы (этим занимались женщины) и заготовки сала (мужчины)⁸⁵. Даже в современном мире мужчины и женщины, в основном, выполняют разную работу. В северных странах, где работают почти 80% женщин, существует четкое разделение на мужскую и женскую работы: менее 10% женщин выбирают профессии, характеризующиеся примерно равным соотношением полов, но половина всех служащих трудятся там, где представители их пола составляют 90% сотрудников⁸⁶.

Естественно, возникает вопрос: когда же мужчины перестали рассматривать охоту в качестве способа соблазнения и стали воспринимать ее как часть сделки с женой? Фактически, наступил момент, когда они начали добывать мясо не только для того, чтобы покорить большее количество женщин, но и для того, чтобы накормить собственных детей. Согласно позиции одной из научных школ, половое разделение труда представляет собой ключевую черту нашей эволюции как вида на его ранних стадиях. Без него на засушливых травянистых территориях — в естественной

среде нашего обитания — мы бы просто не выжили. Люди охотились слишком плохо, чтобы кормиться исключительно мясом. А пища, которую добывали собирательством, для нашего крупного тела и всеядного кишечника была слишком бедна белками. Зато если соединить одно и другое, получится вполне приемлемый рацион. Добавим сюда тепловую обработку, позволяющую есть жесткие овощи — и неплохой вариант для крупной социальной обезьяны готов.

В Австралии, Новой Гвинее, Южной Африке и в некоторых частях Латинской Америки сохранились сотни племен, питающиеся тем, что удастся поймать или найти. Во всех них одинаково одно: мужчины охотятся, женщины собирают. Пропорции, разумеется, могут варьировать. Рацион эскимосов почти полностью состоит из мяса, большей частью добываемого мужчинами. 80% еды в племени кунг из Южной Африки состоит из растительной пищи, которую

Некоторые ученые убеждены, что половое разделение труда появилось только в последние 100 тысяч лет: мол, до тех пор мужчины и женщины добывали себе пищу самостоятельно.

собирают женщины. И так, за одним частичным исключением, почти все мясо добывают мужчины, а почти все овощи — женщины. Исключение — народ агта, обитающий на острове Лусон (Филиппины). Женщины этого племени — умелые охотницы, хотя

их сноровка и энтузиазм уступают мужским. Впрочем, члены племени не относятся к истинным охотникам-собираателям, ибо обменивают мясо на продукты сельского хозяйства у соседей.

Подобное разграничение настолько распространено, что даже там, где мясо добывают женщины, речь почти всегда идет о мелких млекопитающих, моллюсках, рыбе, рептилиях или личинках — то есть о добыче, которую можно заполучить выкапыванием или собиранием, но не засадой или погоней. Как правило, на ношение или изготовление оружия и охотничьего снаряжения женщинами существует табу. Не позволяют им и со-

проводить мужчин на охоте. Маловероятно, конечно, чтобы именно запрет являлся причиной разделения труда — скорее, наоборот. Неубедительно и утверждение, будто половое разделение труда — просто отражение биологических особенностей: из-за частых беременностей и наличия зависящих от нее детей обязанности женщины должны сводиться к более безопасным, медленным и не предполагающим отдаление от дома видам деятельности. Очень уж это мрачное видение проблемы. *Скорее, разделение труда стало важным экономическим шагом, ибо позволило людям извлекать выгоду из двух различных специализаций. Получившееся в результате целое оказалось больше, чем сумма частей. Точно то же можно сказать о разделении труда между клетками в теле*⁸⁷.

Имеется и другая точка зрения. Некоторые ученые убеждены, что половое разделение труда появилось только в последние 100 тысяч лет: мол, до тех пор мужчины и женщины добывали себе пищу самостоятельно. Первые, должно быть, ели мяса гораздо больше, чем вторые. А института брака не существовало. Как не было и модели дележа пищи между членами рода, позволяющей использовать преимущества разделения труда — то есть извлекать выгоду из обмена. Мы никогда не узнаем, когда произошел этот переход. Но то, что появление брака и нуклеарных семей внутри племени оказались неразрывно связаны с практикой раздела пищи — весьма и весьма вероятно⁸⁸.

Именно обычай делиться пищей с окружающими дает мужчинам возможность охотиться. В противном случае люди бы этого не делали, ибо тогда не могли бы получать достаточное количество калорий. Во многих тропических обществах охотников-собирателей количество калорий, получаемое в результате собирательства, превышает получаемое в результате охоты. Выходит, первое выгоднее второго. Однако охота и мясо настолько дороги сердцу мужчины, что создается неверное впечатление об их важности как об источнике калорий. Добыча мяса — охота — считается основной задачей мужчины даже в тех обществах, где он посвящает много времени собирательству.

В одном районе Уганды тощая курица стоит столько же, сколько куча бананов, собранных за четыре дня⁸⁹.

В прошлом веке считалось, что гуйя — птица, обитавшая исключительно в Новой Зеландии — умирает от горя, если гибнет ее супруг. Мы никогда не узнаем, правда это или вымысел (вид вымер к 1907 году). Но нам точно известно, что гуйям, как и людям, было свойственно разделение труда. Самцы обладали коротким сильным клювом, которым в поисках насекомых раздалбливали прогнившую древесину, а самки — загнутым, длинным и тонким, с помощью которого исследовали расщелины. Они выискивали и добывали еду в уникальном, кооперативном партнерстве. У них, как и у нас, разделение труда определялось браком.

Как и у гуйи, у людей, возможно, тоже развились определенные особенности тела и психики, максимально удовлетворяющие различному образу жизни двух полов. Охота и собирательство вполне могли наложить на нас соответствующие отпечатки. Мужчины от природы бросают предметы лучше женщин. Кроме того, в среднем, они более плотоядны (женщины примерно в два раза чаще становятся вегетарианками — причем этот разрыв, если уж на то пошло, постепенно увеличивается) и частым перекусам обычно предпочитают редкую, но плотную еду. Скорее всего, это черты охотничьего образа жизни. Мужчины лучше женщин читают карты, быстрее находят выход из лабиринта и обладают более выраженными способностями к решению пространственных задач (в частности, к мысленному вращению предметов). Именно эти навыки нужны охотнику, чтобы сделать некий предмет, бросить его в животное и затем найти дорогу домой. И в западных обществах охота — исключительно мужское занятие. Женщины более склонны к вербальному типу мышления, они наблюдательны, щепетильны и прилежны — эти навыки подходят собирательству.

Кстати, любители стереотипов найдут здесь уйму материала, но ни одного упоминания о месте женщины в доме. И мужчины, и женщины вышли на работу в плейстоцене, первые стали зани-

маться охотой, вторые — собирательством. Ни один из этих видов деятельности даже близко не может сравниться с хождением в офис и ответчением на телефонные звонки весь день напролет. Оба пола не приспособлены к этому в равной степени.

Обезьяны-эгалитаристы

Несмотря на то что история о половом сотрудничестве весьма и весьма интригующая, она не является наиболее важным следствием обычая делиться едой. То, что муж отдает жене мертвого кролика, а она ему ежевику, в общем-то, мало удивительного. Семья — это единство, основанное на кооперации и скрепленное у людей — да и у многих других видов — генетическим nepотизмом. Оба супруга генетически заинтересованы в своих детях: как и у муравьев или пчел, это является основной причиной их сотрудничества. Разделение труда при добыче пищи — лишь один из его вариантов.

Но вот в чем загвоздка: люди делятся едой не только со своими супругами и детьми. Они приглашают на ужин не связанных с ними кровными узами друзей, обедают с партнерами по бизнесу (а порой даже с конкурентами). Они делятся пищей если не всегда и не со всеми, то точно с гораздо большей щедростью, чем сексуальными услугами. Если дележ пищи сыграл решающую роль в развитии тесной связи между мужем и женой, мог ли он оказать влияние на развитие человеческого общества в целом? Иными словами, похожа ли добродетель на коробку конфет, коими волен угощаться каждый?

Едой делятся не только люди. Прайды львов и стаи волков едят свою добычу сообща. Однако в таких случаях действует строгое правило иерархии. Старшие в стае не терпят, когда у них отнимают мясо молодые особи — они лишь допускают их к тем частям туши, которые не едят сами. Люди делятся едой несколько иначе: лучшие куски у нас принято отдавать другим. В самом деле, представить себе иерархию на человеческом пиршестве довольно сложно. Конечно, средневековому лорду подносили куски лучшие, чем его вассалам в конце стола. Но самое уди-

вительное в человеческом пиршестве — это как раз степень его эгалитарности. Вся суть трапезы — в том, что каждый участвует в ней на равных.

Более того, с точки зрения длинной истории эволюции человека, возникновение моногамных отношений между мужчиной и женщиной — феномен относительно недавний. Такую характерную особенность разделяют лишь немногие наши близкие родичи. Связи между мужчинами в человеческом обществе гораздо более древние, ибо и для человекообразных обезьян, и для шимпанзе, и для людей в особенности характерно то, что самцы живут со своими родственниками, а самки покидают группу, в которой родились. В этом отношении мы разительно отличаемся от других обезьян, практикующих противоположный обычай: самки живут с родственниками, а самцы покидают родную стаю. Следовательно, традиция мужчин устраивать групповые пиршества может иметь гораздо более глубокие корни, нежели склонность делиться пищей со своими супругами. Не исключено, что она унаследована от связанных кровными узами самцов человекообразных обезьян.

Равноправие в вопросах еды свойственно не только нам, но и шимпанзе, на время общего пиршества забывающих обо всякой иерархии в стае. Молодые, нижестоящие особи просят пищу у старших — и обычно ее получают. Разумеется, альфа-самец может присвоить убитого колобуса себе, но это ни в коем случае не норма. Старшие обезьяны других видов никогда не позволяют брать пищу стоящим рангом ниже, если те не являются их близкими родственниками. Старшие же шимпанзе регулярно это делают. Но главное, младшие сами требуют пищу — обезьянам других видов это совершенно несвойственно. Единственная, у кого они могут попросить еду — их собственная мать. Шимпанзе используют целый набор специальных, связанных с пищей жестов. Найдя кучу фруктов, они улюлюкают и красноречивыми знаками приглашают друзей разделить с ними угощение. Естественно, сие вовсе не означает, что они делятся едой всегда — это далеко не так. Они делятся ею иногда.

Этой особенностью шимпанзе воспользовался Франс де Ваал*, изучавший их в Центре исследования приматов Йеркса в Атланте. Он поместил в вольеры связки свежих веток ликвидамбара (амбровое дерево), тюльпанного дерева, бука и ежевики (каждая была прочно скреплена жимолостью) и, убедившись, что некоторые из них достались особям низшего ранга, стал наблюдать за происходящим. На листву выбор пал не случайно: высококалорийная пища (бананы) часто провоцирует насилие среди человекообразных обезьян, тогда как листва, хоть и пользуется популярностью, не является столь желанным лакомством, и ею часто делятся. Предполагалось, что каждая особь, которой достанется связка, либо позволит другим брать из нее ветки, либо будет раздавать их сама.

Первой реакцией на появление связок стало знакомое исследователям всеобщее ликование (так живущие в дикой природе шимпанзе радуются хорошему источнику пищи). Обезьяны целовались, обнимались и кричали. (Отыскав увешанное плодами дерево, бонобо — карликовые шимпанзе-, близкие родственники шимпанзе из Центральной Африки — заходят еще дальше: чтобы отпраздновать находку, они устраивают настоящую оргию, в ходе которой совокупаются друг с другом). Затем настал черед процедуры «подтверждения статуса», необходимой перед тем, как иерархия подчинения будет на время забыта. Во время пиршества, кстати, наблюдалось повышение уровня агрессии и количества общих перебранок.

Тем не менее дележ пищи характеризовался потрясающим равноправием. Доминирующие особи, как выяснилось, больше склонны давать, чем получать. Ранг значил меньше, чем реципрокность. Если А дает ветку Б, тогда Б часто будет делиться с А.

---

* Де Ваал Франс (р. 1948) — голландский приматолог и этолог. Директор Центра связей жизни (Living Links Center) Национального центра исследования приматов Йеркса (Yerkes National Primate Research Center). В 1997 году журнал *Time* включил его в число 100 самых влиятельных людей мира. — Прим. переводчика.

Налицо модель смены ролей: А скорее даст пищу Б, если Б недавно чистил шерсть А — но не в тех случаях, когда А чистил шерсть Б. Шимпанзе, проявившего скупость, наказывали.

Де Ваалу все это говорило о том, что обезьянам известно понятие обмена. Они делятся пищей не только потому, что не могут помешать другим заполучить ее силой — иначе зачем доминирующим особям отдавать ее тем, кто ниже их рангом? Они делятся пищей, чтобы оказать услугу, получить ответную выгоду в будущем и, в целом, отстоять свою добрую репутацию. Фактически, шимпанзе очень похожи на разумных теоретиков игр. «Практика делиться пищей, существующая у шимпанзе, — пишет де Ваал, — внедрена в многогранную матрицу взаимоотношений, социального давления, отсроченных наград и взаимных обязательств».

Но шимпанзе почти никогда не отдают еду по собственной инициативе. Они делятся ею лишь в ответ на требование. Соответственно, полагает де Ваал, хотя шимпанзе и сделали шаг вперед, отойдя от эгоизма прочих обезьян и, таким образом, получив возможность использовать преимущества реципрокного альтруизма, они «не перешли эволюционный Рубикон» реципрокности, что удалось сделать нам, людям⁹⁰.

Распределение риска

Над рабочим столом Кима Хилла в Университете Нью-Мексико висит огромная фотография мужчины из племени Гуаяков (Парагвай). Через его плечо перекинута отсеченная голова крупного тапира. Кровь струится по голым ягодицам охотника и каплями стекает по тыльной стороне ног. Хилл и трое его коллег произвели настоящую революцию, исследовав практику делиться пищей у людей — при этом они обнажили самые корни экономики.

Все началось в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1980 году. Несмотря на биохимическое образование, последние два лета Хилл проработал в Парагвае в Американском корпусе мира, а затем поступил в университет, чтобы получить степень

по антропологии. Как-то между ним и его сокурсником Хиллардом Капланом разгорелась жаркая дискуссия: первый старался убедить второго в том, что антропология зашла в тупик вследствие собственной одержимости обществами. Последние, говорил Хилл, не имеют потребностей — те бывают только у индивидов. Общества же — это совокупности индивидов, а не единства сами по себе. А значит, дальнейшее развитие антропологии всецело зависит от понимания того, что важно для индивида.

Практика делиться пищей, например, в то время объяснялась антропологами в основном с точки зрения блага общества или группы, а не индивидов, их составляющих. Ученые утверждали: люди в племенах делятся пищей друг с другом сознательно, с конкретной целью добиться максимально возможного равноправия. Такой обычай способствует устранению статусных различий, что, в свою очередь, помогает обществу оставаться в экологическом балансе с окружающей средой, не давая его членам чересчур увлекаться собирательством. Находить больше определенного количества пищи просто бессмысленно, ибо излишек все равно придется отдать. Как и большинство специалистов по социальным наукам, антропологи не испытывали характерной для экономистов навязчивой потребности объяснить благожелательность.

Не удовлетворившись такими рассуждениями, в 1981 году Хилл уговорил Каплана вместе отправиться в Парагвай изучать племя гуаяков. По признанию Хилларда, он мало что знал о теории, лежащей в основе антропологии, зато не находился под влиянием грандиозного гарвардского исследования охотников-собирателей племени кунг. Это сыграло решающую роль, ибо идеи Хилла и Каплана должны были придать их исследованию иное направление. Вот тут-то и появились две талантливые женщины — Магдалена Хуртадо из Венесуэлы, тоже студентка Колумбийского университета, и Кристен Хоукс, впервые познакомившаяся с представителями племени гуаяков в 1970-х. Последняя имела экономическое и антропологическое образования, но задалась целью с помощью ряда теорий, в то время

выдвигаемых в биологии, понять механизм принятия решений. 15 лет и множество исследований спустя Хоукс разойдется во мнениях с Хиллом, Капланом и Хуртадо. Спор о том, почему все-таки охотники делятся своей добычей, будет жарким, но дружеским: ему посвящена следующая глава.

Гуаяки — небольшое племя кочевников, живущее в тропическом лесу и до недавнего времени почти полностью зависевшее от охоты и собирательства. Только в 1970-х годах, когда правительство Парагвая загнало его в резервацию, оно установило постоянный контакт с современным обществом. В 1980-х, однако, гуаяки по-прежнему тратили четверть своего времени на длительные путешествия по лесу. На рассвете все вместе, длинной вереницей, они отправляются в путь. Спустя примерно полчаса мужчины рассыпаются по лесу, а женщины и дети продолжают медленное движение по заранее согласованному маршруту. Мужчины ищут животных и мед. Когда мед найден, зовут женщин, и те вытаскивают его из углубления в дереве. Вскоре после полудня женщины разбивают лагерь и приступают к собирательству — обычно это личинки насекомых или сердцевина пальм. Вечером племя воссоединяется. Мужчины возвращаются с мелкой добычей — обезьянами, броненосцами и пака. Иногда попадаются звери покрупнее — пекари или олени. Чаще всего их ловят сообща: заметивший животное мужчина, как правило, зовет на помощь.

Никто не говорит, что так жили все наши предки. Одна из характерных черт человека — его способность приспосабливаться к местным условиям. А парагвайский тропический лес отличается от африканской саванны или австралийской пустыни так же, как от европейских степей ледникового периода. Впрочем, Хилла, Каплана, Хуртадо и Хоукс интересовало другое: как эти не занимавшиеся сельским хозяйством люди решали общечеловеческую проблему разделения охотничьих трофеев? Исследователи не утверждали, что решение окажется универсальным — оно должно было объяснить поведение только конкретного племени.

Как ни странно, гуаяки — убежденные эгалитаристы. Хотя, вернувшись в поселение, они обычно оставляют пищу исключительно для членов своих семей, в двухдневных охотничьих путешествиях по лесу они делятся добычей не только с родственниками. Мужчина, раздающий куски мяса, как правило, не сам убил животное. Охотник, вернувшийся из леса с пустыми руками, тоже принимает участие в пиршестве. Три четверти того, что съедает любой человек, добыто соплеменником, не входящим в его семью. Впрочем, такая щедрость обычно ограничивается мясом. Растительной пищей и личинками насекомых вне нуклеарной семьи не делятся.

Похожая щедрость наблюдается и в племени йора (Перу). На рыбалке все делятся со всеми, в лагере — только внутри семьи. И почти всегда мяса дают больше, чем овощей. Так, если рыбой, обезьянами, аллигаторами и черепахами делятся, то бананы прячут в лесу, пока они не созреют, иначе их живо умыкнут соседи⁹¹.

Откуда такое различие? Что такого особенного в мясе, почему им должны делиться больше, чем фруктами?

По мнению Каплан, существует два правдоподобных объяснения. Согласно первому, мясо добывают сообща. Обезьян, оленей и пекари гуаяки ловят в ходе группового преследования. Даже броненосцев — и тех добывают отнюдь не в одиночку: как правило, один мужчина помогает другому вытаскивать их из норы. Аналогичным образом обстоят дела у йора: человек, ведущий каноэ по реке, для рыбалки необходим, но сам ничего не ловит, а значит, совершенно логично, что другие отдадут ему часть улова. Как львы, волки, дикие собаки или гиены, люди охотятся коллективно. Успех каждого охотника в данном случае зависит от действий других. Следовательно, он просто не может позволить себе не поделиться с ними добычей. В отличие от львов, люди более гибкие, что обусловлено особым разделением труда. Допустим, один отлично умеет закалывать рыбу копьём или выкапывать броненосцев — на этом он и специализируется. Параллельно прочим его соплеменникам отведены иные роли.

Обычно считается, что именно разделение труда и делает людей столь уникальными.

Впрочем, существует и другое объяснение нашей склонности делиться мясом больше, чем овощами. Оно олицетворяет удачу. Почему мужчина явился в лагерь с двумя броненосцами или крупным пекари? Ему просто-напросто повезло. Возможно, он был ловок, но даже самый искусный охотник нуждается в везении. В ходе любой отдельно взятой охоты 40% мужчин из племени гуаяки не удается убить ни одно животное. С другой стороны, если женщина принесла из леса слишком мало сердцевин пальмы, то дело тут вовсе не в невезении, а в лени. Иными словами, успех собирателя и охотника зависит от удачи в разной степени. Если это так, то практика делиться пищей подразумевает распределение не только добычи, но и риска. Если бы мужчина полагался исключительно на собственные ресурсы, он то оставался бы голодным, то добывал бы больше мяса, чем мог съесть. Если же он делится им с другими и ожидает, что те в ответ поделятся с ним, то вполне уверен, что мясо у него будет каждый день. Таким образом, подобная практика представляет собой разновидность реципрокности, при которой один человек обменивает улыбнувшуюся ему удачу на страховку от будущего невезения. Точно так же поступают и летучие мыши-вампиры, одаривающие своих соседей каплями выпитой ими крови, и трейдеры, обменивающие обязательства с фиксированной процентной ставкой на обязательства с плавающей.

Особенно остро проблема стоит в тропиках, где длительное хранение мяса просто невозможно: оно слишком быстро портится. Делиться — очень эффективный способ уменьшить риск, не снижая при этом уровень общей обеспеченности пищей. Согласно одному из расчетов, шесть охотников, складывающие добычу в «общий котел», сокращают перебои с мясом на целых 80% по сравнению с таким же количеством охотников, которые этого не делают. Такое объяснение практики делиться пищей с окружающими известно как гипотеза снижения риска⁹².

Но вот вопрос: что мешает ленивым пользоваться щедростью прилежных? Если вы уверены, что в итоге получите мясо от того, кто его добыл, то преспокойно можете усесться где-нибудь в сторонке и ковырять в носу, дожидаясь пока охотник не вернется из леса с мертвой обезьяной. Чем больше людей делят пищу, тем больше возможностей представляется эгоисту «халявить» и эксплуатировать доверчивых товарищей. В некотором смысле мы опять столкнулись с дилеммой заключенного — только на этот раз речь идет о множестве игроков. Приведу избитый пример: кто заплатит за маяк, если его светом вправе пользоваться все?